

К. Н. Григорьян

Русские печатные источники конца XVIII — начала XIX вв. об Армении

В конце XVIII века изучению южных районов страны и Кавказского края уделяется большое внимание. Российская Академия наук, с целью изучения географических условий и природных богатств, осуществляет целый ряд экспедиций, в числе их известные академические экспедиции 1768—1774 годов по Южной России и Кавказу, с участием виднейших ученых того времени. Академики Гильденштедт, Самуил Гмелин, Петер Симон Паллас, Маршал фон Биберштейн, М. Я. Лерхе были первыми последователями юга России и Кавказа. Ими был собран богатый материал, опубликованный частично в конце XVIII, начале XIX веков¹.

Несмотря на то обстоятельство, что эти первые исследователи Кавказа в большинстве случаев были географами и натуралистами и преследовали цель обозрения естественных ресурсов края, тем не менее некоторые из них уделили внимание также вопросам изучения языка и быта местного населения. Так, например, в бумагах академика Палласа сохранились собранные им лингвистические материалы по армянскому языку², использованные частично в сравнительных словарях «всех языков и наречий»³.

Первые сведения об Армении в русских книгах появились в 1765 году в «Дорожной географии» — справочное пособие «о всех в свете государствах». Армении в этой книге были посвящены две странички с краткими сведениями о территории, о климате и главных городах: «Сия земля веселая, воздух в ней хороший, здоровой и умеренной. Евфрат наводняет нивы. В ней собираются плоды, виноград, шелк и проч. Однако, очень мало хлеба. Находятся несколько и серебряных рудокопных заводов». Так повествовала «Дорожная география» об армянской земле⁴.

Почти через пятнадцать лет после русского издания «Дорожной географии», в 1779 году, был издан «Всемирный путешественник», являю-

¹ См. «Материалы для истории Экспедиции Академии наук в XVIII и в XIX веках. Хронологический обзор и описание архивных материалов», составила В. Ф. Гнучева, М.—Л., Изд. Акад. наук СССР, 1940.

² См. Архив Академии наук СССР (Ленинград). Бумаги П. С. Палласа.

³ См. часть I, СПб. 1787, 411 стр.; часть II, СПб. 1789, 491 стр.

⁴ «Дорожная география, содержащая описание о всех свете государствах, о их качестве, климате, нравах или обычаях, их жителях, столичных городах, расстояниях их от Парижа, и о ведущих к сему городу дорогах, как морем, так и сухим путем», переведена с французского языка, печатана при Императорском Московском университете 1765 года, «Об Армении», стр. 131—133.

щийся также переводом с французского¹. В нем Армении уделено немного страниц (письмо XIX), где из отрывочных, случайных, малодостоверных сведений составлен краткий историко-географический очерк. Автор описывает города Джульфу, Нахичевань, Эривань, а также озеро Севан и Эчмиадзинский монастырь. «Сие имя (т. е. Армения) не может быть вам неизвестно, государыня моя, — так начинается письмо об Армении во «Всемирном путешественнике». — Об нем часто упоминается в священной и светской истории. Армения почитается за первую землю, населенную людьми, спасшимися от потопа. В ней еще и гораздо прежде были жители, если то правда, как утверждают некоторые писатели, что здесь находился земной рай. Но столько раз переменяли положение сего чудесного сада, что ничего о том верного сказать нельзя... Армения есть страна плодородная, и вообще приятная... Наилучший округ в Азии, сей части света в старину столь изобильной, а ныне столь опустошенной, по крайней мере в том месте, которое почитается колыбелью рода человеческого»².

Первое упоминание в русских книгах об армянской поэзии, без указания источников, находим в статье С. Г. Домашева «О стихотворстве», напечатанной в июньской книжке «Полезного увеселения» за 1762 год. Автор, разбирая подробно принципы русского стихосложения в том разделе, где он говорит о стихотворстве различных народов, посвятил несколько строк армянской поэзии³.

В 1776 году была издана в Петербурге весьма любопытная книга, где имеются некоторые отрывочные сведения об армянах, в переводе с французского Михайло Попова⁴. Автор Г. Бель в кратком предисловии говорит о себе. В июле 1714 года он из Лондона отправился в Россию, с намерением «увидеть Азию». Бель имел из Лондона письмо к «первому врачу и тайному советнику» Петра I «доктору Орешкину», который представил его Волынскому. Через Орешкина же он устроился в Коллегии иностранных дел. Бель, вместе с русским посланником Артемием Петровичем Волынским, оказался в Персии⁵. Записки Беля носят характер дневников, в которых автор старался, как говорит он в предисловии, «записывать то только, что... казалось достойнейшим примечания, и что не тщался... ни украсить, ни умножить, ниже переименовать описываемые... вещи»⁶. Книга состоит из трех частей. Первая часть, интересующая нас, носит название «Путешествие из Санктпетербурга в Испаган, при отправленном посольстве от его имп. величества Петра I к шаху Гуссейну, персидскому Софи, в 1715 году».

¹ См. «Всемирный путешественник, изданное господином аббатом *Де-ла-Порт*, а на российский язык переведенное с французского», СПб, 1779.

² Том II, стр. 148—164.

³ См. «Материалы для истории русской литературы», изд. *П. А. Ефремова*, СПб, 1867, стр. 193.

⁴ См. «Белевы путешествия через Россию в разные азиатские земли; а именно: в Испагань, в Пекин, в Дербент и Константинополь», перевел с французского Михайло Попов, 3 части, СПб, 1776.

⁵ См. Белевы путешествия..., ч. I, стр. VI—VIII.

⁶ Там же, стр. VII.

В путевых записках Беля имеются краткие сведения о городе Шемахе, об армянском населении в Тавризе, но наибольший интерес представляет его описание встречи с армянскими крестьянами в деревне Кара-Хина 27 января 1717 года. Сначала встретил русскую свиту армянский священник с толпою крестьян, которые, узнав, что приезжие — христиане из России, организовали торжественную встречу. «Один из них нес крест, написанный на конце шеста; другие играли на дудках, сиповках, и на других мусикийских орудиях, между тем как один бил меру медными досечками, ударяя их одну о другую: а большая часть пела духовные стихи и псалмы. В сем порядке препроводили нас до самого нашего ночлега, который нашли мы гораздо лучше всех тех, кои уже имели по ту пору. Они прислали нам вина и преизрядного винограда, который сохраняют они всю зиму, вешая его в сухих и прохладных покоях»¹.

В описании Беля сохранились ценные сведения, свидетельствующие о настроениях армянского крестьянского населения в Персии, об их горячей симпатии к русским. В лице посланников Петра I они видели представителей великой России, с которой связывали все свои надежды и чаяния на лучшее будущее. Рассказ Беля о встрече в деревне Кара-Хина представляет ценность также, хотя и беглыми, но чрезвычайно любопытными зарисовками отдельных деталей жизни и быта армянского крестьянства².

Первое упоминание в русских книгах об армянских обычаях можно найти в книге конца XVIII века, озаглавленной: «Позорище странных и смешных обрядов при бракосочетаниях разных чужеземных и в России обитающих народов; и при том нечто для холостых и женатых»³. По существу она представляла собой собрание случайных, недостоверных сведений.

В заключении автор обращался с упреком и укором к тем, которые «продолжают вести жизнь холостую» и которых он называет «странного умоначертания человеками». По его мнению, холостой человек «не токмо отечеству своему непризнателен, но и к самому себе жестокосерд»⁴. В подтверждение своей правоты и разумности защищаемых им положений, автор приводил факты, предания, обычаи различных народов, осуждающих холостых. Так, например, «у афинян, — писал он, — установлен был в году торжественный день, в который женщины наказывали розгами всех взрослых холостых мужчин, яко неспособных потомством своим служить республике и быть украшением своему отечеству»⁵.

¹ «Белевы путешествия...», ч. I, стр. 74—75.

² Один из паломников в своих записках упоминает армянскую гостиницу (очевидно монастырскую) в Раме (в Палестине). См. «Пешеходца Василия Григорьевича Барского-Плаки-Альбова, уроженца Киевского, монаха Антиохийского, путешествия к святым местам, в Европе, Азии и Африке находящимся, предпринятое в 1723, и оконченное в 1747 году, им самим написанное. Часть первая, содержащая в себе странствование его с 1723 по 1735 год. Издание шестым тиснением. В Санкт-Петербурге, Изданием имп. Академии наук, 1819 года», часть первая, стр. 179.

³ Г. Г., СПб, 1797. В языке XVIII века слово «позорище» означало «зрелище», в данном случае в смысле картины. Автор книги Глеб Грозов, см. В. С. Сопиков. Опыт российской библиографии, СПб, 1905, ч. IV, стр. 108 (за № 8492).

⁴ Там же, стр. 462, 266.

⁵ Там же, стр. 270—271.

Книга эта была написана в целях пропаганды устоев русской семейной жизни. В ней нашли некоторое отражение нравы и обычаи кавказских народов.

Если автор сравнительно подробно говорил о соседних современных «мингрельцах, грузинцах и черкессах», об их обычаях и нравах, то в отношении Армении он ограничился легендой из древней мифологии о богине любви Анаит¹.

Громов, повидимому, при изложении этой легенды пользовался сочинениями древних историков. Действительно, как указывает Н. О. Эмин, Плиний («Натуральная история», кн. XXXIII, 24) говорит, что «первая статуя из цельного золота была воздвигнута в Армении в храме богини Анаит». Страбон же более подробно говорит («География», кн. XI, гл. XIX) о множествах храмов в Армении, воздвигнутых в честь Анаит. «из которых замечательнейший находился в провинции Акилисине (Екехиац)...»².

Очевидно, источником изложенной в книге Громова легенды послужил Страбон или его позднейшие толкователи.

Н. О. Эмин в «Очерке религии и верований языческих армян» поясняет, что древнезападные историки, в частности Страбон, рисуют образ не армянской богини, а «великую богиню сирийскую», что они «увлекались скорее мнимым, нежели существенным сходством» Анаит с вавилонско-ассирийским божеством. Эмин, опираясь на свидетельство древнеармянского историка Агафангела, показывает принципиальное различие между сирийской богиней и культом Анаит в Армении. «Ни один из древних армянских писателей,— говорит Эмин,— не представляет культа Анаит в тех условиях, при которых видим его в Вавилонии, Финикии и Фригии, где, при звуках барабана и флейты, иступленные женщины с еще более иступленными мужчинами предавались омерзительным пляскам и совершали чудовищные мерзости. Поклонение богине Анаит было широко распространено по странам западной Азии, но «армянская Анаит,— пишет Эмин,— несмотря на одинаковость ее происхождения с Бельтис ассирийцев, Милитою вавилонян³ и с Митрой или Анаид персов — является с особенным характером целомудренности, который резко отличает ее от таких же однородных богинь упомянутых народов. Анаит пользовалась у древних армян большим уважением. В их представлении она была мать всякого целомудрия. С образом Анаит языческие армяне связывали высочайшее понятие чистоты и непорочности»⁴.

А. Н. Веселовский, осылаясь на «Историю Армении» Мовсеса Хоренаци (Хоренского) и на Броссе, писал: «В представлении армян Anahit

¹ См. «Позорище...», стр. 47—48.

² Н. О. Эмин, Очерк религии и верований языческих армян, в кн. «Исследования и статьи Н. О. Эмина по армянской мифологии, археологии, истории и истории литературы» (за 1858—1884 гг.). С приложением переводов из армянских историков, М., 1896, стр. 16.

³ В таких же тонах рисует Громов культ Милитты у ассирийцев и вавилонян. см. «Позорище...», стр. 23—24.

⁴ Н. О. Эмин, указ. сочинение, стр. 16—17.

являлась дочерью Арамазда; от него богатство, от царицы Анагиты помощь, от Вахагна сила, говорит один эдикт Тиридата... У армян она (Anahit) называется матерью *таи* всякой мудрости»¹.

Почему же понадобилась автору книги о нравах и обычаях различных народов легенда об Анаит? Дело в том, что Громов, вообще, стремился сделать по возможности свою книгу интригующей, щекочущей любопытство читателя и заполнил ее всякими игривыми, дикими рассказами, далекими от какой-либо объективности и достоверности. Так, например, неизвестно откуда он взял басню о том, что якобы «у мингрельцев муж нашел жену в прелюбодеянии, берет с любовника ее свинью, которую съедают все трое вместе»². В таком же духе написано и о грузинах³.

Другой из авторов конца XVIII века, «член Российской Академии и многих ученых Обществ» Иоган Готлиб Георги, допустил еще более грубые искажения в изложении общих сведений об армянском народе. В самом конце XVIII века он выпустил книгу в четырех частях под заглавием «Описание всех обитающих в российском государстве народов»⁴. В «Предуведомлении» говорится об источниках, которыми пользовался автор при составлении своего справочника. «Таковыми служили во первых летописцы Российские, а во вторых и большею частью, описания частные России подданных народов». Автор имеет в виду работы Миллера, Гмелина, Фишера, Крашенинникова, Рычкова, Палласа, Лепехина и др. Из перечисленных в предисловии источников ни один не мог служить опорой для составления очерка об армянах, которым посвящен специальный раздел в четвертой части книги⁵. Здесь говорится о привилегиях, которые были даны Петром I армянам, об их переселении из Персии, Грузии, Армении, Крыма в русские города: Астрахань, Кизляр, Моздок, Москву и С.-Петербург, о строительстве города Нахичевани для переселенцев при Екатерине II. Даются и некоторые статистические сведения. В Астрахани в 1746 году было армян около двухсот дворов, а в 1770 году число мужского населения в городе «по собственному счислению» достигало 1281 чел. «Тифлис столичный грузинский город имеет до двадцати тысяч в себе армян и до двадцати их церквей».

После кратких исторических, географических и статистических сведений автор переходит к характеристике армянского народа. Он об их

¹ А. Н. Веселовский, Разыскания в области русских духовных стихов, сборник Отд. русского языка и словесности имп. Акад. наук. СПб, 1880, т. XXI, № 2, стр. 69—70.

² Там же, стр. 36.

³ См. там же, стр. 31—33.

⁴ «Описание всех обитающих в Российском Государстве народов. Их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, украшений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. Творение, за несколько лет пред сим на немецком языке Иоганна Готлиба Георги, в переводе на российский язык весьма во многом исправленное и вновь сочиненное; в четырех частях, с сто гравированными изображениями народов и 8 виньетками», СПб, при имп. Академии наук, 1799.

⁵ См. там же, часть IV, стр. 46—52.

внешности говорит: «Армяне бывают, большею частью, лицом пригожи, изредка великорослы, обыкновенно, сухощавы. Черные волосы и глаза и красноватый из темна цвет тела их дают худощавым лицам их вид задумчивый...».

В характеристике национального типа автор допускает много ошибочных суждений, неточностей, что явилось результатом его неосведомленности и не критического отношения к скудным источникам. Георги, как можно заключить из его краткого описания, не имел ясного представления о культурном прошлом армянского народа, об основной его массе и свои суждения строил на отрывочных, случайных сведениях. Образ жизни армян, быт, обряды описаны в книге Георги весьма поверхностно. Автор не имеет никакого понятия о сословной дифференциации народа. Он не учитывает условий жизни в разных географических, климатических условиях. Так, например, об армянах вообще говорится: «Всякую пищу из царства растений предпочитают мясной. Как можно, стараются иметь всегда за столом арбузы, дыни, овощи, виноград, вишни и другие плоды...»¹. Где, в каких краях? Есть высокогорные районы, где пшеница не послеваает, где не имеют никакого понятия о фруктовых садах и где основная пища — мясо и молочные продукты, в особенности сыр и ячменный хлеб. Такого же характера поверхностные сведения находим о жилищах: «В отчизне своей живут армяны в деревянных хижинах, тесных и на легкую руку сделанных»². В описании национального костюма автор пользуется сведениями, где обобщаются частные, случайные наблюдения, и в результате получается весьма искаженная картина. Оказывается, что «замужние и девицы армянские одеваются одинаково, носят рубахи, штаны, чулки и туфли, как мужчины. Летом же сафьянные чулки и из шелковой материи туфли». Оказывается, что они «уши украшают драгоценными камнями, а шею золотыми и серебряными цепочками, или жемчужными нитками, к сим же привешивают золотые монеты, кои голую грудь, почти, прикрывают»³. Все это может быть правдоподобно в какой-то степени, но почти ни одно из перечисленных украшений нельзя считать принадлежностью народно-национального костюма. В книге Георги описаны, по всей вероятности, богатые наряды армянской купчихи или купеческой дочери, украшенные золотом, жемчугами и серебром⁴. Все это, а также шелковые туфли и золотыми монетами покрытая «почти голая грудь», имеют мало отношения к национальному костюму армянской девушки или женщины. Ничего общего не имеет с народным бытом и такая развитая косметика, о которой говорит Георги. Оказывается, что армянки не только «щеки румянят», красят волосы и брови «черной мазью», а прибегают даже к такой хитрости: «для внутренней черноты глаз, покупают, дорогою ценою, черный весьма мелкий порошок, который обрезанным пером,

¹ Георги, Описание..., ч. IV, стр. 50.

² Там же, стр. 42.

³ Там же, стр. 49.

⁴ Что это так, легко убедиться и по цветным гравюрам с изображением армянина и армянки, помещенных в четвертой части книги Георги.

в глаза вдувают. По сделанным химическим опытам, порошок сей состоит единственно из мелкого истертого шписгласу (сурмила)»¹. И это возможно, что имело место, но опять-таки все эти сложные косметические манипуляции слишком чужды армянскому народному быту.

Если есть что-либо ценное в книге Георги об армянской жизни, то оно относится к наблюдениям, хотя и поверхностным, но в основном верным в отношении народных танцев. Армяне «собственные свои пляски имеют особенные для каждого пола,— пишет автор,— и пляшут по одиночке. Мужчины стараются оказать искусство свое, при том, в прыжках и ужимках. Женщина же пляшет, около стоящего тихо мужчины, как будто украдкой, с скромным и благопристойным движением тела и рук своих. Мужчины, при том, бьет такт руками»².

Частные, верные наблюдения не спасают положения. Книга Георги, в той части, где говорилось об армянах, навряд ли была способна служить делу ознакомления с жизнью народа, о котором в России в то время имели очень отдаленное и смутное представление. Более того, подобные издания могли приносить даже известный вред, распространяя искаженные, ложные понятия о целом народе.

После присоединения Грузии к России³ в русской периодической печати стали чаще появляться статьи, очерки, письма, посвященные Кавказу. Новые владения на юге давали возможность более близкого, непосредственного ознакомления с многочисленными разноплеменными народами. Появляется острая потребность в людях, достаточно знакомых с краем, владеющими местными языками. Усиливается интерес к Кавказу в образованных слоях русского общества.

Ценность статей и писем первых русских путешественников, оказавшихся на Кавказе в самом начале XIX века, заключается в том, что в них находим целый ряд интересных, любопытных наблюдений, описаний. Это были первые зарисовки кавказской жизни, природы Кавказа, сделанные с натуры русскими авторами. К сожалению, порою их значение снижается ярко выраженной тенденциозностью, вызванной в значительной степени исторической обстановкой. Суждение о горцах часто слишком общее и поверхностное. Они преимущественно изображаются дикими разбойниками, совершающими набеги, грабежи и убийства. Они кровожадны, злы и коварны. Такое представление господствовало в России до появления кавказских поэм Пушкина.

Осенью 1804 года начался поход русских войск «под город Ериван». Интересные подробности сохранились в записках участника этого похода Е. Басина: «На дороге, не доходя до Еривана за 15 верст, стоит огромный ираратский монастырь,— пишет Басин,— в котором я был, гостил у армянских архиереев, пил из церковного колодца святую воду, и осмотрел

¹ Георги, Описание..., стр. 50.

² Там же, стр. 53.

³ Письмо из Грузии в Астрахань, февраля 7 дня, 1804 года, Телаво «Вестник Европы», 1805, ч. XXII, № 13, стр. 60—61.

кругом все здание. Нельзя видеть его без сердечного прискорбия. Не за-долго до нашего прибытия Ереванский хан увез отсюда патриарха и за-брал монастырские сокровища, миллионы до семи простирающиеся. Не многого стоило труда войску подступить под Ереван и занять предместье; но трудно было там стоять и оттуда возвращаться. Опустошили сады, жгли финиковые, пальмовые, дулевые, гранатные, миндальные и прочие дорогие деревья; и за всем тем едва за 8 рублей могли доставать пуд хлеба». При походе под Ереван русским войскам пришлось переносить большие трудности. Недостаток продовольствия, сильный зной осложняли положение русских войск, половина которых в непривычных климатических условиях оказалась больными. Отряд русских, осадивших Ереванскую крепость, как указывает Басин, состоял из 4000 человек. В крепости находилось до 15 000 неприятельских войск. «Не мудрено, что мы сомневались, должно ли решиться на приступ,— пишет Басин,— но непонятно, почему неприятель не смел подступить к нам»¹. На этот вопрос отвечает другой участник Ереванского похода Михайло Лохвитский. Цицианову стало известно, что сам персидский шах Баба Хан с многочисленными войсками, под командованием наследника престола Абас Мирза Кули Хана и грузинских царевичей Александра и Теймураза «стремительно идут на лагерь русских войск». Генерал-майор Портягин, которому было поручено Цициановым организовать сопротивление, 25 июля 1804 года, с 700 солдатами и 6 орудиями удержал под Ереваном напор многочисленных персидских войск. В этом сражении, «с твердостью, свойственную русскому», Портягин одержал победу, взял пленных и в числе трофеев 30 легких орудий. «Пораженные страхом персы,— пишет Лохвитский,— не смели уже более появляться до самого снятия осады с крепости Еревана»². В октябре 1804 года русские войска вернулись в Грузию.

В результате Ереванского похода, в самом начале XIX века, многие из русских простых людей впервые побывали в далекой Армении. Они увидели ограбленную и истерзанную древнюю страну. Тогда, по сложившимся обстоятельствам, им не удалось протянуть руку помощи армянскому народу, но одно то, что русские оказались так близко, воодушевило армян, укрепив в них веру в скорое освобождение.

Приближались события двадцатых годов. В русской печати появляется значительное количество статей и книг, посвященных Кавказу. В центре внимания их авторов стояли вновь присоединенная к русским владениям Грузия и Северный Кавказ. Здесь находим отдельные наблюдения случайного характера, отрывочные сведения и об Армении. Укажем, прежде всего, на книгу Евг. Болховитинова³, которую академик М. И.

¹ «Вестник Европы», 1805, ч. XXII, № 13, стр. 69—70.

² Михайло Лохвитский, Кавказские записки. «Сын Отечества», 1817, ч. 35, № 9, стр. 215—216.

³ См. (Евгений Болховитинов), Историческое изображение Грузии; в политическом, церковном и учебном ее состоянии. Сочинено в Александрово-Невской Академии. В Санкт-Петербурге 1802 года.

Броссе назвал «классическим в своем роде трудом»¹. В кратком очерке истории Грузии автор говорит и об армянах, как о соседях Грузии с далеких времен, о родственных чертах в культурном развитии двух народов. «Весьма частые притеснения и разорения от турков,— пишет Болховитинов,— всегда заставляли многие армянские фамилии переселяться в Грузию, отчего армяне составили почти четвертую часть самой Грузии»².

В 1809 году были изданы собранные академиком И. А. Гильденштедтом материалы во время его путешествия на Кавказ в 1770—1773 гг. В этих материалах по географическому и статистическому обозрению края собственно об армянах имеются лишь случайные упоминания³. То же следует сказать и о целом ряде изданий справочного характера, переведенных преимущественно с французского⁴.

Из отдельных очерков о Кавказе особо следует отметить книгу Семена Броневского, изданную в 1823 году в Москве⁵. В ней собрано значительное количество сведений о Кавказе. Автор ее, как выясняется из предисловия, участник персидского похода русской армии в 1796 году, когда он впервые «познакомился с землею, куда судьба завела на службу». После похода он оставался на Кавказской линии и продолжал составлять свои записки. Он старался ближе знакомиться с горами Северного Кавказа. С 1802 по 1804 гг. Броневский служил в Грузии «правителем дел» при главнокомандующем, генерале Цицианове.

Книга Броневского была предназначена преимущественно для русских офицеров, служивших на Кавказе и испытывавших острую нужду в справочнике географического и исторического характера. Источниками для первой географической части служили, главным образом, материалы

¹ См. *К. Н. Бегичев*, Объяснительный каталог библиотеки е. и. в. вел. кн. Георгия Александровича в Абстумане. Кавказ и соседние с ним страны, Тифлис, 1894, стр. 67. Здесь же даны биографические сведения о Болховитинове.

² *Евг. Болховитинов*, указ. сочинение, стр. 57—58, 65—66, 70, 76—78.

³ См. «Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. Из путешествия академика *И. А. Гильденштедта* через Россию и по Кавказским горам, в 1770, 71, 72 и 73 годах. Издано по повелению имп. Академии наук в СПб, 1809 года».

⁴ См. «Описание Кавказа с кратким историческим и статистическим описанием Грузии», перев. с французского (*Якова Лапена*), СПб, 1805, 72 стр.

«Историографические записки о странах, лежащих между морями Черным и Каспийским, содержащие новейшие и подробные описания живущих в оных народов, и достопамятности древнего и нынешнего тех земель местоописания», перевод с французского (*Федора Шишкевича*), СПб, 1810, 211 стр.

«Сокращенное извлечение из любопытных записок о происшествиях в Персии и Грузии, случившихся в исходе минувшего столетия», «Вестник Европы», 1807, ч. XXXII, № 6, стр. 149—56 (о нашествии Ага Магомед Хана на Тифлис в 1795 году).

«Письма о Кавказе», «Сын Отечества», 1816, ч. 34, № 52, стр. 271—275 (пер. с французского, выписки из книги *Фрейганга* «Письма о Кавказе и Грузии»).

⁵ «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и пополненные *Семеном Броневским*», две части, СПб, 1823. Отрывки были опубликованы в «Вестнике Европы», 1823, ч. 127, № 1, стр. 6—19.

путешествий академиков Гильденштедта, Самуила Гмелина и Палласа. Вторая, историческая часть справочника была составлена частично на основе материалов из архива Государственной Коллегии иностранных дел. Нужно сказать, что в книге Броневского исторические сведения занимают весьма скромное место. В ней об армянах почти ничего нет, если не считать примерно такого рода общих рассуждений: «...смешение разных народов произвело смешение нравов и обычаев: при горской простоте и бедности примечается армянская хитрость, и персидская приветливость вместе с храбростью; те же пороки, но менее добродетелей. Грузинцы, Армяне, Ширванцы и Дагестанцы участвуют более или менее в сем смешанном характере»¹. Эти случайные замечания, претендующие на обобщенную характеристику народов Кавказа, опираясь подчас на обывательские разговоры, свидетельствуют о том, какими скудными сведениями располагал Броневский.

Георги, Броневский и многие им подобные распространяли в русском обществе ложное представление о целом народе. Они свое суждение строили на обывательских разговорах об армянских купцах, как будто весь народ состоял из торгашей. Они не имели не только ни малейшего понятия об историческом прошлом армянского народа, о его культурных ценностях, но и игнорировали основную трудовую массу крестьян и ремесленников.

Вопреки господствующему долгое время ложному взгляду о жизни народов Кавказа в русскую печать начали проникать более объективные, достоверные сведения. В «Записке, касающейся до Земель между Черным и Каспийским морем находящихся», составленной Сергеем Алексеевичем Тучковым, писателем, который был тесно связан с Д. Н. Радищевым в конце 1805 года, в разделе «о народе армянском» говорилось: «...из них только находятся в Грузии изрядные золотари, серебрянники, резчики на камнях и стали, медники, кузнецы, слесари, каменщики, столяры, ткачи, набойщики, кожевники и проч. Не меньше в случаях военных показывают они довольно неустрашимости и способности управлять оружием. Живущие по деревням упражняются в земледелии и обрабатывают сады»². Так характеризует С. Тучков сословный состав армянского населения в Грузии. А если мы обратимся к массе народа в Араратской долине и вообще на территории самой Армении, то мы убедимся в каком искаженном свете в подавляющем большинстве строились суждения об армянах.

Значительным фактом в процессе ознакомления русского общества с историей Армении было русское издание Хоренаци³, автора V века.

¹ «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским», ч. I, стр. 33.

² «Сочинения и переводы С. Тучкова», СПб, в типографии Иосифа Иоаннесова, 1817, часть IV, стр. 160. См. о нем: Д. С. Бабкин, Процесс Д. Н. Радищева. Изд. АН СССР, М.—Л., 1952, стр. 91—98.

³ «История Арменская, сочиненная Моисеем Хоренским, с кратким географическим описанием древней Армении, перевел с армянского архидиакон Иосиф Иоаннесов», две части, СПб, 1809.

«Если «История» Хоренаци в отношении того или иного события изобилует ошибками, — пишет М. Абебян, — то она богата такими сведениями, которые составляют доподлинную историю внутренней жизни Армении. Всегда обращались, обращаются и будут обращаться к его «Истории»¹».

Некоторые географические и исторические сведения об Армении находим в книге Егора Хубова². Автор писал свою историческую хроникку на армянском языке, которая впоследствии была переведена на русский язык и издана в Петербурге Иосифом Иоаннесовым. «Князь Егор Хубов», как именует себя автор, был уроженцем «стран араратских»; он — племянник патриарха Симеона, у которого воспитывался. Учился Хубов в Эчмиадзине. В своем кратком обзоре он описывает закавказские события конца XVIII столетия, нашествие грузинского царя Ираклия II в Армению, поход русских войск под командованием В. А. Зубова, зверства Ага Магомет Хана, деятельность Цицианова и «грузинского губернатора» Дм. Мих. Волконского.

В 1807—1808 гг. была организована экспедиция востоковеда, члена Российской Академии Ю. Клапрота, с целью изучения истории, быта и языков народов Кавказа. О все возрастающем интересе к восточным народам свидетельствует составленный в 1810 году тогда еще молодым С. С. Уваровым, ставшим впоследствии президентом Академии наук и министром народного просвещения, «Проект Азиатской Академии». Проект Уварова вызвал широкий отклик в научных и политических кругах. «Им интересовался Наполеон, о нем высказывал свое мнение В. А. Жуковский, сочувственно отнесся к нему Сильвестр де Саси, большое внимание уделил ему Гёте»³.

По мысли автора проекта, Азиатская Академия «могла бы служить посредницей между образованностью Европы и просвещением, скрывающимся в недрах Азии, и которая соединяла бы в себе все то, что может иметь некоторое отношение к познанию Востока». По мнению Уварова, Россия не может остаться в стороне в изучении Востока, имея тесные сношения с Турцией, Китаем, Персией и Кавказом, что организация Азиатской Академии подсказывается не только ее научными, но и политическими интересами. В проекте подробно говорилось о необходимости изучения восточной словесности. «В поэзии восточных народов, — писал Уваров, — с первого взгляда замечаем мы необыкновенную стремительность мыслей и пышное великолепие выражений, изумляющие рассудок»⁴.

¹ Манук Абебян. История древнеармянской литературы, Ереван, Изд. Академии наук Армянской ССР, 1948, т. 1, стр. 233.

² См. «Описание достопамятных происшествий Армении, случившихся в последние тридцать лет, т. е. от патриаршества Симеона (1779) до 1809 года. Сочинение кн. Егора Хубова. С армянского перевел армянской церкви архидиакон Иосиф Иоаннесов. Печатано на основании высочайшего повеления», СПб, типогр. П. Иоаннесова, 1811, 130 стр.

³ Академик И. Ю. Крачковский, Очерки по истории русской арабистики, Академия наук СССР, серия «Итоги и проблемы современной науки», М.—Л., 1950, стр. 97.

⁴ «Вестник Европы», 1811, ч. 55, № 1, стр. 33—32, 44.

Автором проекта были изложены и основные разделы деятельности будущей Академии. Здесь, наряду с арабской, персидской, китайской и индийской словесностью, специальный (шестой) параграф был посвящен Армении и Грузии. «Словесность армянская и грузинская,— писал автор проекта,— достойны внимания в отношении историческом; ибо грузинцы и армяне имеют собственные летописи, заключающие в себе такие исторические известия, которых напрасно будем искать в историках Азии, Греции и Рима... Армянская литература так мало известна, что мы не знаем еще и имена тех сочинений, которые к ней относятся. Но для России было бы особенно выгодно познакомиться ближе с ними двумя народами: она имеет к тому великое множество способов; сверх того, многие сведущие армяне и грузинцы могли бы употреблены быть для преподавания нужных уроков в обоих языках»¹.

Проект Азиатской Академии был подвергнут суровой критике. Автор в силу своей недостаточной осведомленности не учитывал огромные трудности, не владел нужными данными научного востоковедения. Проект Уварова был неосуществим в условиях России десятых годов прошлого века. Академик И. Ю. Крачковский в своем исследовании по истории русской арабистики о проекте Уварова говорил: «Это было скорее общее рассуждение о важности изучения Востока, чем сколько-нибудь конкретное построение»². Проект Уварова был оставлен без последствий. Нужна была большая, кропотливая работа не одного поколения ученых, чтобы была создана необходимая база для осуществления научно-организационного центра русского востоковедения.

С десятых годов прошлого века на страницах столичной русской газеты «Северная почта» начали появляться корреспонденции о Кавказе. В 1811 году была напечатана «Краткая выписка из путешествия г. Коллежского Советника Стевена по Кавказскому краю»³. В ней заключались сведения о занятиях населения Карабага, Кизляра, Дербента, Кубинского, Ширванского, Шекинского и Ганджинского ханств. Автор упоминал армянские деревни в Ширвани, «где они выделывают вино отменно хорошее и крепкое», «армянская деревня Кирзани на самом берегу Куры», в Борчали, Сомхетии и в Бампаке. Армяне, «хотя весьма много притесняются от татар,— писал русский путешественник,— но трудолюбием своим находят себе пропитание». Через несколько лет в «Северной почте» была напечатана еще одна корреспонденция о Кавказе, выписки из частного письма, в котором описывались тесные и грязные улицы старого Тифлиса⁴.

В 1822 году, в «Русском инвалиде», были опубликованы путевые записки фон Коцебу, во время его путешествия в Персию. В 1817 году он

¹ «Вестник Европы», 1811, ч. 55, № 2, стр. 108—109.

² Академик И. Ю. Крачковский, указ. сочинение, стр. 97.

³ «Северная почта или Новая Санктпетербургская газета», 1811, №№ 59, 60, 61, 64—66.

⁴ Из Тифлиса (выписка из партикулярного письма), там же, 1817, № 54.

был в Ереване, гостил у сардара Гассан Хана. «Река Саи́га,— писал Коцебу,— протекает под самыми окнами. Величественные деревья осеняют берега ее, а против дворца виден прекрасный каменный мост... Вершины горы Араратской возвышаются в отдалении».

Во дворце у сардара Коцебу слушал и восточную музыку, которая произвела на него странное впечатление. Он воспринял ее чисто внешне, не уловив ни ритма, ни мелодии. «Инструментальная музыка состояла из гитары, некоторого рода скрипки о трех струнах и двух барабанов,— писал Коцебу.— Все сие аккомпанировало одного певца, который кричал во всю силу и производил отвратительнейшие телодвижения... Вдруг музыка возвысила свой тон; певец испустил пронзительные крики, а три мальчика начали кувыркаться вдоль всей залы»¹.

Можно было бы предположить, что в астраханской и казанской печати, где с давних пор существовала армянская колония, должны были быть интересные сведения и материалы, касающиеся Армении и армян. В течение двадцати лет регулярно выходили «Казанские известия». Культурная жизнь губернского города там не находила почти никакого отражения. Каждый номер заполнялся по установленным разделам: внутренние известия, иностранные известия, разные известия, смесь, объявления и метеорологические таблицы. Иногда печатались разные статистические обзоры, такса на различные продукты или «хозяйственные замечания». Несколько позже появляется отдел «ученых известий». Дело, конечно, не только в разделах. Номер составлялся по шаблону, сотрудничал небольшой круг лиц.

В «Казанских ведомостях» печатались и литературные материалы, но несколько особого свойства: «Несчастное тайное свидание», «Итальянская повесть» или «Арабская сказка Мечта и Истижа»². Редко появлялись стихи, написанные по образцам торжественных од XVIII века. Редко, но появлялись и этнографические заметки, бытовые зарисовки об отдельных народностях: «Нечто о здешней маслянице», «Праздники мусульман», «Свадебные обряды у бурят», «Прием гостей у татар». В числе этих материалов в 1813 году на страницах «Кавказских известий» была напечатана без подписи статейка под заглавием «Армянские именины». В ней рассказывалось, как армянское население готовится к празднику, как улицы «от утра до вечера наполняются проходящими: до полудня мужчинами, а после обеда в белых тканях их женами». В ней осуждалась привычка казанских армянских женщин «завертываться в саван, белое покрывало», что лишало их «удовольствия щеголять дорогими своими нарядами и уборами». В заключении описания армянских именин автор писал: «Сей народ и по многим другим обстоятельствам примечателен. Кто больше всех странствует? Армяне. Кто менее всех изменяется? —

¹ «Русский инвалид», 1822, № 33.

² В «Казанских известиях» печатались «восточные басни» в стихах, 1818, № 28, 57, 62.

Они же... Армяне, покоренные народом чуждым, утесненные в собственной земле, изгнанные и рассеянные, не забывают своего наречия. Находясь столько лет среди многочисленного господствующего народа, твердые армяне хранят обычаи своих предков»¹.

Автор заметки из быта казанских армян, повидимому, был из числа русских корреспондентов, которому была достаточно хорошо известна историческая судьба армянского народа.

В десятых годах прошлого века в Астрахани издавались Иосифом Вейсгопфеном «Восточные известия», которые по своему содержанию напоминали во многом казанскую газету. Здесь те же официальные отделы с метеорологическими наблюдениями и объявлениями частных лиц, где иногда мелькали имена армянских купцов. В одно время издатель даже задумал завести отдел на армянском языке, но дело кончилось лишь объявлениями, где извещалось, что «Восточные известия» впредь будут издаваться «с переводом на армянский язык»². В 1814 году здесь была помещена статья, переведенная с армянского, под заглавием: «Нечто о мучениях армянами, претерпенных во время царствования Шаха Аббаса»³. Автор ее, возможно, был из числа эмигрировавших из Персии армян. Не лишено основания, что и басни в стихах, помещенные в «Восточных известиях», принадлежали армянскому автору. Басни «Цветок», «Старик», «Цапля», «Не рой другому ямы», «Урок лицемерам», «Повесть об одном тиране, как он сделался добрым» подписаны «Ар-т Аа-н». Он же является автором переводов нескольких статей с немецкого. Стихотворение «Песнь о пользе наук» подписано «Ал. См-рн-въ». Вполне допустимо, что псевдоним под баснями в «Восточных известиях» составлен по такому же принципу. Если это так, то с большей уверенностью можно утверждать, что они принадлежат армянскому автору. «Ар-т» возможно распространенное армянское имя Арарат, во второй части псевдонима «Аа-н» или «А-н» дает основание думать, что под ними скрывается армянская фамилия с обычным окончанием. К сожалению, басни сами по себе, по содержанию, затрагивают слишком общие христианско-нравоучительные мотивы, и в них нет таких черт, которые могли бы указать на специфический национальный источник и объясняли бы их происхождение.

В «Восточных известиях» была напечатана «Любимая армянская песня»⁴, происхождение которой, очевидно, связано с астраханской колонией, хотя в основе песни может быть и лежит более древний традиционный вариант, но видно, что ее текст приспособлен к местным условиям быта.

Возвратилась к нам весна опять;
Засветило солнце теплое;

¹ «Казанские известия», 1813, № 48, стр. 7—8.

² «Восточные известия», 1815, № 43—45, 47—49. Объявление издателя было напечатано с параллельным армянским текстом.

³ «Восточные известия», 1814, № 2, стр. 14—17. Подпись: К. III.

⁴ «Восточные известия», 1814, № 37, стр. 361.

Снег с земли Зефиры свеяли;
Муравой поля покрылися,
И деревья в зелень нежную
Убрались опять попрежнему.

Выпьем чихиря холодного¹,

Милосерд к нам бог

Создатель наш!

Под разноцветными деревьями,
Чихиря с стаканом красного,
Станем мы, друзья, беседовать.

Уж с дерев цветки душистые

Падают в стаканы полные,

И с собою к оным нас манят.

Выпьем чихиря холодного²,

Милосерд к нам бог,

Создатель наш!

О весна благословенная!

Ты с цветов оковы свергнувши,

Соловью дала вновь радости;

Вот люблюся их красками,

Он поет твое могущество —

Весел он — мы будем веселы —

Выпьем чихиря холодного,

Милосерд к нам бог,

Создатель наш!

Трудно говорить о достоинствах этой песни, так как мы имеем дело, повидимому, с очень вольным переводом. Но как бы то ни было «Любимая армянская песня» была первым образцом в русской печати из богатого песенного творчества армянского народа, и хотя бы потому она заслуживает особого внимания.

На первых порах ознакомление России с Кавказом и Арменией, естественно, началось с общих географических, исторических и экономических сведений о далеком крае, которые время от времени появлялись на страницах русской периодической печати и в книгах обзорно-справочного характера. К сожалению, не всегда русский читатель мог почерпнуть из них достаточно достоверные сведения о народах Кавказа. В частности, о горцах, жителях Дагестана и северной части Кавказского края, долгое время господствовало ложное мнение как о диких, ленивых, склонных только к разбою и убийствам народах. О «кавказском жителе» один из авторов писал: «Будучи ленив от природы, он почитает грабеж любимым своим ремеслом и часто единственным способом к пропитанию»². Другой из авторов, миссионер, в своих суждениях доходил до того, что горцев называл не только «варварами» и «дикарями», но и «человекообразными живот-

¹ Под словом «чихирь» здесь имеется в виду красное виноградное вино.

² «Сын Отечества», 1816, ч. 34, № 52, стр. 273.

ными», «зверями, носящими только один образ человеческий»¹. После кавказских поэм и стихотворений Пушкина и Лермонтова была создана в русской литературе новая традиция, которая с особой яркостью сказалась в произведениях Л. Н. Толстого, посвященных Кавказу.

¹ „Восточные известия“, 1813, № 1, стр. 4—7.